

диалогов в рукописной демократической драматургии XVIII в.,²³ служили основой для создания новых бытовых анекдотов типа старинных фаций.²⁴

М. Н. Сперанский показал, что настало время тщательно проверить датировки повестей, причем, по его (на наш взгляд вполне справедливому) мнению, некоторые повести, лишь в силу инерции обычно датируемые XVII в., следует считать произведениями первой трети XVIII в. (Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о крестьянском сыне).²⁵

В области повествовательной литературы особого внимания заслуживает автобиографический жанр, представленный в XVII в. знаменитым Житием Аввакума, а в XVIII столетии — целой вереницей автобиографических записок от И. И. Неплюева, Н. Б. Долгорукой до А. Т. Болотова, Г. Р. Державина и А. Н. Радищева. Весь этот огромный материал, за исключением Жития Аввакума и отчасти «Записок» А. Т. Болотова, почти не изучен с историко-литературной точки зрения.

Между тем книга чешской исследовательницы Светлы Матхаузеровой о романе М. Д. Чулкова «Пригожая повариха» свидетельствует, что при изучении прозы XVIII в. обращение к предшествующей традиции может оказаться весьма плодотворным. Ей удалось показать, что традиции автобиографического повествования, разработанная в рукописной литературе XVII—XVIII вв. (от «Азбуки о Голом и небогатом человеке» и «Азбуковника о прекрасной девице» через стихотворную автобиографию подьячего и так называемый «Роман в стихах»), во многом определила своеобразие прозы М. Д. Чулкова в данном произведении.²⁶

Наконец, недавно вышедшая книга В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева «Демократическая поэзия XVII века» (Л., 1962) дает возможность поставить вопрос о продолжении традиции раёшного стиха в рукописной юмористике и сатире XVIII в. (Сатира на Феодосия Яновского, Автобиография подьячего, Сказание о деревне Камкине, Сказание о деревне Киселихе и многие другие) и изучить его развитие в рукописной литературе XVIII в.

Вопрос о традициях виршевой лирики XVII в. в XVIII столетии также должен быть рассмотрен с разных точек зрения.

Виршевая «Рифмотворная псалтырь» С. Полоцкого достаточно широко читалась в XVIII в., как показал М. Н. Сперанский на примере сборника ГАКО Твер., 162, где это произведение С. Полоцкого помещено вместе с панегирическими и любовными кантами XVIII в. (стр. 46). Несомненно, не для одного М. В. Ломоносова, а для многих русских людей в XVIII в. переложение псалмов С. Полоцкого было одной из первых прочитанных книг.

Наблюдения М. Н. Сперанского, в частности, показывают, что русский демократический писатель знал не только ломоносовские переложения псалмов (сборники ГБЛ, Большаков, № 98; ГИМ, Вахрамеев, № 562; ГИМ, № 938; ГИМ, Уваров, 1^о, № 553), но также многие переложения В. К. Тредиаковского (переложения псалмов 1, 6, 8, 42, 51, 78, 111, 136, 139 см.: сборник ГБЛ, Тихонравов, № 502). Последнее тем более примечательно, если вспомнить, что это произведение В. К. Тредиаковского

²³ В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958, стр. 20, 90, 108.

²⁴ М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века, стр. 142 и 163.

²⁵ Там же, стр. 142 и 113.

²⁶ Světa Mathauserová. Ruský zdroj monologické romanové formy (M. D. Čul'kov). — Rozpravy Československé Akademie Věd. Rada společenských věd., roč. 71, seš. 1. Praha, 1961.